

УДК 343.1: (075.8)

**ЗАЩИТА ОТ НЕУМЕЛОГО ПРИМЕНИТЕЛЯ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА**

© 2014 г.

П.Г. Марфицин, Е.М. Рябков

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

pavel@marfitsin.ru

Поступила в редакцию 05.02.2014

Обосновывается необходимость исследования используемого в последнее время законодателем технико-юридического приема, обеспечивающего защиту от правоприменителя, не обладающего достаточным объемом юридических знаний или не умеющего их использовать.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное право, юридическая техника, содержание нормы права, правоприменение, правоприменитель.

Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» скорректировано содержание п. 12 ч. 2 ст. 42 УПК РФ. Речь в нем идет об одном из прав лица, потерпевшего от преступления. Ранее этот пункт начинался словами: «знакомиться по окончании предварительного расследования со всеми материалами уголовного дела...». Теперь этот текст дополнен фразой: «в том числе в случае прекращения уголовного дела». Такие изменения вызывают определенный интерес с позиции использованных законодателем технико-юридических приемов.

Дело в том, что УПК РФ содержит ст. 158, поименованную «Окончание предварительного расследования». А в соответствии с ч. 1 данной статьи производство предварительного расследования оканчивается: 1) по уголовным делам, по которым предварительное следствие обязательно, – в порядке, установленном главами 29–31 УПК РФ; 2) по остальным уголовным делам – в порядке, установленном главой 32 УПК РФ. Глава 29 УПК РФ называется «Прекращение уголовного дела», а ее содержание регламентирует соответствующую наименованию процедуру. Возвращаясь к формулировке п. 12 ч. 2 ст. 42 УПК РФ, без излишних усилий формулируем вывод о том, что прекращение уголовного дела является одной из форм окончания по нему производства, а следовательно, и в этом случае потерпевший вправе ознакомиться со всеми материалами этого дела.

Зачем же, в таком случае, законодатель сформулировал указанные выше уточнения? Для получения ответа на этот вопрос можно пойти двумя путями. Во-первых, осуществить опрос правоприменителей с целью выяснения

их понимания первоначальной формулировки п. 12 ч. 2 ст. 42 УПК РФ. 31.7% респондентов, с которыми мы пообщались, под окончанием производства расследования (в контексте рассматриваемого правового предписания) понимали только те ситуации, когда уголовное дело с обвинительным заключением (актом или постановлением) направлено прокурору. При этом они были уверены, что у потерпевшего отсутствует законодательно закрепленное право на ознакомление с материалами прекращенного уголовного дела.

Во-вторых, объяснения действиям законодателя можно обнаружить при ознакомлении с результатами отдельных исследований, авторы которых поняли содержание п. 12 ч. 2 ст. 42 УПК РФ так же, как обозначенные нами выше правоприменители. При этом они не только упрекнули законодателя в недостаточном правовом регулировании, но и сформулировали предложения по совершенствованию закона¹.

Действительно, законодателя упрекнуть в этом случае можно. Но не за содержание п. 12 ч. 2 ст. 42 УПК РФ, а за отсутствие процедуры ознакомления потерпевшего с материалами прекращенного уголовного дела. Такой порядок достаточно детально обозначен для ситуаций, когда расследование завершается составлением обвинительного заключения (акта или постановления). А для случаев, когда производство по уголовному делу прекращено, ее в законе нет. Возможно, это и сформировало ложное представление отдельных правоприменителей и молодых ученых по рассматриваемому вопросу. Но выше мы убедительно показали, что для получения полного представления о рассматриваемом праве потерпевшего особых усилий не требуется. Надо всего лишь читать закон.

Поскольку неправильное восприятие норм права явно не способствовало единообразному

правоприменению, а в отдельных случаях приводило к нарушению прав личности, законодатель и пошел на такой шаг. То, что он сделал, по нашему мнению, можно мягко назвать защитой от неумелого (или юридически безграмотного) правоприменителя. В среде программистов ЭВМ такое явление именуется жестче.

Законодатель не впервые пользуется таким технико-юридическим приемом. Так, в первоначальной редакции п. 1 ч. 1 ст. 40 УПК РФ, определяющей перечень органов дознания, было указано: «органы внутренних дел Российской Федерации, а также иные органы исполнительной власти, наделенные в соответствии с федеральным законом полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности». Теперь, в редакции федеральных законов от 22 июля 2010 г. № 158-ФЗ, от 7 февраля 2011 г. № 4-ФЗ, от 1 марта 2012 г. № 17-ФЗ, это предписание выглядит следующим образом: «органы внутренних дел Российской Федерации и входящие в их состав территориальные, в том числе линейные, управления (отделы, отделения) полиции, органы по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, в том числе территориальные и входящие в их структуру межрайонные, городские (районные) органы по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, а также иные органы исполнительной власти, наделенные в соответствии с федеральным законом полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности».

Следует отметить, что УПК РФ в качестве органа дознания называл органы внутренних дел. Система и структура этого ведомства достаточно сложная и включает в себя большое число как территориальных, так и специализированных подразделений (в том числе на транспорте). Поэтому было бы неправильным считать, что МВД России является единым органом дознания, а начальником данного органа выступает только министр внутренних дел России или его заместители. Так же как неверным было бы относить к самостоятельным органам дознания любое структурное подразделение, входящее в систему МВД России. Без четкого определения того, что же является в системе МВД России органом дознания, невозможно решить вопрос о том, кто является начальником этого органа дознания и кто из сотрудников МВД России может выполнять функции дознавателя.

Поэтому законодателю в тексте УПК РФ необходимо было либо четко определиться с этими вопросами, либо не регламентировать их вообще, поскольку структура и полномочия рассматриваемого ведомства регламентируются

другими нормативными актами, в том числе ведомственными. Как раз исходя из последних, в качестве самостоятельных органов дознания в системе МВД России традиционно выступают, как правило, территориальные (и приравненные к ним) структурные подразделения, а начальниками органа дознания являются начальники этих подразделений либо их заместители. В свою очередь, отдельные структурные подразделения МВД России (например, кадровые, тыловые) функциями органов дознания не наделяются, и их руководители начальниками органов дознания не являются.

Подобное можно сказать об органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, которые, кстати, вправе осуществлять оперативно-розыскную деятельность.

По нашему мнению, и этот шаг был сделан законодателем только потому, что кто-то не знал или не понимал того, что мы изложили выше, в связи с чем возникали проблемы в правоприменении. То есть опять потребовалась защита от нерадивого правоприменителя.

В ряде случаев законодатель, используя рассматриваемый прием, допускает и некоторую непоследовательность. Например, в ст. 216 УПК РФ определен порядок ознакомления потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей с материалами уголовного дела в случаях, когда производство по делу оканчивается составлением обвинительного заключения. Здесь же отмечается, что гражданский истец, гражданский ответчик или их представители знакомятся с материалами уголовного дела в той части, которая относится к гражданскому иску. Подобное положение отражено в п. 12 ч. 4 ст. 44 и п. 9 ч. 2 ст. 54 УПК РФ, регламентирующих правовой статус гражданского истца и гражданского ответчика. Таким образом, законодателем опять «выставлена» защита. Но подобное правило сформулировано и для потерпевшего. В пункте 12 ч. 2 ст. 42 УПК РФ говорится, что в случае, если в уголовном деле участвует несколько потерпевших, каждый из них вправе знакомиться с теми материалами уголовного дела, которые касаются вреда, причиненного данному потерпевшему. Однако в ст. 216 УПК РФ это правило не дублируется. Объяснить такой подход мы затрудняемся.

Предполагаем, что подобные технико-юридические приемы законодатель использует и в других отраслях права.

В рамках настоящей статьи попытаемся сформулировать предварительную оценку данного феномена. С одной стороны, как было отмечено выше, он выступает своего рода защитой от ошибок и нарушений, которые может

допустить правоприменитель, не обладающий достаточным объемом юридических знаний или не умеющий их использовать. Хотя такая положительная оценка условна. Подобного результата можно было добиться иным путем, например, повышением качества юридического образования или требований к отбору кадров, дачи разъяснений закона Верховным судом РФ, регламентацией частных вопросов подзаконными нормативными актами и пр.

С другой стороны, использование рассматриваемого технико-юридического приема может привести к перегруженности текста закона. И не только. Нормы уголовно-процессуального права (как и большинства других отраслей) являются общими правилами поведения, то есть рассчитаны не на конкретные, а на неоднократно повторяющиеся действия и правоотношения. Будучи конкретными по содержанию своих требований, они абстрактны по своему объекту и адресату. Это один из постулатов, на основе которого законодатель выстраивал нормы уголовно-процессуального права и, соответственно, использовал его при словесно-документальном выражении этого права в УПК. Более того, законодателем в этих целях использовались нормы-принципы, общие дозволения и запреты, нормы-дефи-

ниции, создание общих условий (правил) производства предварительного расследования, судебного разбирательства и др. И вот сейчас на фоне этого появляются отдельные вкрапления в тексте закона, которые подвергают эту систему эрозии. Более того, они делают закон отчасти нелогичным, непоследовательным. Отчетливо это видно на примере ч. 1 ст. 40 УПК РФ, где законодатель выборочно указал на те государственные структуры, которые он особо обозначил как органы дознания, и умолчал о других.

Таким образом, однозначно оценить действия законодателя в этой сфере не удастся. Это еще раз указывает на необходимость детального исследования обозначенного нами феномена.

Примечание

1. См., напр.: Голиков О.В. Совершенствование российского законодательства в сфере защиты потерпевшего в уголовном процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 10; Фоменко И.В. Решения и действия следователя на завершающем этапе расследования: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2008. С. 21; Иванов Д.А. Защита следователем прав и законных интересов юридических лиц, потерпевших от преступлений. М.: Юрлитинформ, 2009. С. 122.

PROTECTION FROM AN INCOMPETENT LAW IMPLEMENTER AS APPLIED TO CRIMINAL PROCEDURE LAW

P.G. Marfitsin, E.M. Ryabkov

The rationale is provided for the need to study the technical-legal technique used by the legislator to ensure protection from the law enforcement official who does not have sufficient legal knowledge, or is unable to use such knowledge.

Keywords: criminal procedure law, legal technology, content of law rules, enforcement, law implementer.